

Г. Мишо

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Vita memoriae

Г. Мишо

История крестовых походов

«ИП Карелин»

Мишо Г.

История крестовых походов / Г. Мишо — «ИП Карелин»,
— (Vita memoriae)

Книга из серии «Vita memoriae» – «Живая память» – обращается к временам средневековья, раскрывая одно из интереснейших явлений этой эпохи – крестовые походы. Невиданный прежде энтузиазм паломников и воинов, отправляющихся в неизведанные земли для освобождения Святой земли, – и гибель тысяч людей из-за необдуманных действий вождей похода; подвиги отваги и благородства на полях сражений – и нравственное падение войска, забывшего о своей высокой цели... Написанная очень живо и образно, эта историческая книга читается, как приключенческий роман. Издание иллюстрировано большим количеством гравюр Гюстава Доре.

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	19
Глава IV	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Г. Мишо
История крестовых походов
С гравюрами Г. Доре
Издание 3-е

Глава I
От странствий на поклонение Святому
Гробу до Клермонского собора
(IV в.—1095 г.)

самых первых времен христианской эры последователи Евангелия собирались вокруг гроба Иисуса Христа, Спасителя мира, для молитвы. Император Константин воздвиг храмы над гробом Сына человеческого и на некоторых из главных мест Его страданий; освящение храма Святого Гроба было великим торжеством, при котором присутствовали тысячи верующих, собравшихся со всех сторон Востока. Мать Константина, св. Елена, уже в преклонных годах предприняла странствие в Иерусалим и содействовала своим усердием открытию древа Креста Господня в одной из пещер, поблизости от Голгофы. Бесплодные усилия императора Юлиана возобновить храм Иудейский, в опровержение слов Священного писания, сделали еще более дорогими Святые места. Между благочестивыми поклонниками IV века история сохранила имена св. Порфирия, бывшего впоследствии епископом Газским, Евсевия Кременского, св. Иеронима, изучавшего в Вифлееме Священное писание, св. Павлы и дочери ее Евстахии из знаменитого рода Гракхов, могилы которых находит в настоящее время путешественник рядом с могилой св. Иеронима, близ той пещеры, где Спаситель возлежал в яслях. В конце IV века число паломников было так велико, что многим из отцов церкви, между прочим и св. Григорию Нисскому, приходилось уже красноречивыми доводами указывать на злоупотребления и опасности странствования на богомолье в Иерусалиме. Напрасные предостережения. Не могло впредь явиться в мире такой власти, которая преградила бы христианам путь к Святой Гробнице.

Вскоре из глубины Галлии нахлынули толпы новых христиан, которые спешили поклониться колыбели верования, только что воспринятого ими. Маршрут, или дорожник, составленный собственно для паломников, служил им путеводителем от берегов Роны и Дордоны до реки Иордан и на обратном пути из Иерусалима до главных городов в Италии. В первых годах V века мы встречаем на пути к Иерусалиму императрицу Евдокию, супругу Феодосия Младшего. В царствование Ираклия войска персидского шаха Хосроя II нахлынули на Палестину; после десятилетней борьбы победа осталась на стороне христианского императора. Он возвратил святилищу Иерусалима древо Животворящего Креста, похищенное варварами; босой проходил он по улицам священного города, неся на плечах своих до самой Голгофы это ору-

дие искупления человеческого. Шествие это было торжественным праздником, память о котором церковь празднует и доныне под именем Воздвижения Честного Животворящего Креста. В последние годы VI века выехал из Пяченцы с благочестивыми спутниками св. Антонин, чтобы почтить поклонением места, освященные следами Божественного Искупителя. Дорожник, носящий имя его, доставляет очень любопытные сведения о состоянии, в котором находилась в то время Святая земля; между тем как Европа волновалась среди разнообразных бедствий войны и переворотов, Палестина покоилась под сенью Голгофы и как будто во второй раз сделалась землею обетования. Но недолго должны были продолжаться это спокойствие и благосостояние.

Берега р. Иордан

Из хаоса религиозных и политических смут, среди развалин, загромождающих с каждым днем более и более слабый, колеблющийся и разделенный Восток, выступил человек со смелым замыслом возвестить новую веру, основать новое царство. Это был Мухаммед, сын Абдуллы, из племени курейшитов. Он родился в Мекке в 570 г.; был сначала бедным погонщиком верблюдов, но был одарен пылким воображением, энергичным характером, живым умом и имел глубокое познание арабийских народностей, их наклонностей, вкусов и потребностей. Коран, над сочинением которого он провел 23 года, хотя и проповедовал чистую нравственность, но вместе с тем обращался и к самым грубым страстям человеческого сердца и сулил убогим обитателям пустыни обладание целым миром. Сын Абдуллы, когда ему было 40 лет, начал проповедовать свое учение в Мекке, но после 13-летней проповеди должен был бежать в Медину, и с этого бегства Пророка в Медину, 16 июля 622 г., начинается мусульманская эра. Не много понадобилось времени Мухаммеду, чтобы завоевать все три Аравии, но яд прервал его победы и жизнь в 632 г. Войну и проповедь его учения продолжали Абу Бекр, тесть Мухаммеда, и Омар, который покорил Персию, Сирию и Египет. Амру и Серджий, наместники Омара, подчинили своей власти Иерусалим, который мужественно защищался в продолжение четырех месяцев. Омар, явившийся самолично принять ключи побежденного города, велел выстроить большую мечеть на том месте, где возвышался храм Соломона. При жизни халифа, наследовавшего власть Абу Бекра, участь палестинских христиан была еще не очень бедственна, но по смерти Омара им пришлось терпеть всякий позор и разграбление.

Нашествие мусульман не остановило паломничества. В начале VIII века мы встречаем в Иерусалиме епископа Галльского, св. Арнульфа, описание интересного путешествия которого сохранилось до нашего времени, а лет через 20 или 30 после того посетил Святые места другой епископ – Гилебальд из саксонской страны, о путешествии которого сохранился рассказ его родственницы-монахини. Распри между разными мусульманскими партиями, добивавшимися высшей власти, губительно отражались на палестинских христианах; долго тяготели на них ужасы преследования, прерываемые лишь кратковременными отдыхами, и только в царствование Гарун аль-Рашида, величайшего халифа из династии Аббасидов, настали для них более спокойные дни. Карл Великий в это время распространял свое владычество на Западе. Взаимное уважение между великим государем франков и великим халифом ислама выражалось посредством частых посольств и роскошных подарков. Гарун аль-Рашид послал в дар Карлу Великому ключи от Святого Гроба и священного города: в этом приношении была политическая идея и что-то вроде смутного предчувствия крестовых походов.

В это время европейские христиане, посещавшие Иерусалим, были принимаемы в странноприимном доме, учреждение которого приписывают Карлу Великому. В конце IX века монах Бернар, родом француз, посетил Святые места с двумя другими лицами монашеского звания; он видел это странноприимное учреждение латинской церкви, состоящее из 12 домов или гостиниц; тут для паломников была открыта библиотека, как и в других странноприимных домах, основанных в Европе Карлом Великим. В пользовании этого благочестивого учреждения были поля, виноградники и сад, расположенный в долине Иосафатовой. Желание обрести частицы мощей, а также и торговые расчеты способствовали умножению этих путешествий за море; ежегодно 15 сентября в Иерусалиме открывалась ярмарка: торг, по обыкновению, происходил на площади церкви св. Марии Латинской. Купцы из Венеции, Пизы, Генуи, Амальфи и Марселя имели свои конторы в разных странах на Востоке.

Путешествия к Святым местам стали налагаться в виде публичной кары и средства к искуплению вины. В 868 г. один знатный бретонский владетель, по имени Фротмонд, убивший своего дядю и меньшего из своих братьев, был присуждаем три раза к путешествию в Святую землю для получения полного отпущения своих преступлений. Цензий, римский префект, который в церкви Санта-Марии-Маджоре нанес оскорбление папе, схватив его в алтаре и заключив в темницу, был присужден оплакивать свою вину у подножия Гроба Господня.

Эти частые путешествия установили братские отношения между христианами Востока и европейскими. Письмо Илии, патриарха Иерусалимского, написанное в 881 г. к Карлу Младшему и великой семье христианского Запада, представляется нам торжественным выражением этих отрадных и благочестивых отношений. Патриарх описывает несчастное положение иерусалимской церкви: бедным и монашествующим угрожает смерть от голода; для лампад святилища недостает масла; иерусалимские христиане вызывают к состраданию своих европейских братьев. Не дошло до нас никакого свидетельства, которое пояснило бы, как отозвалась христианская Европа на это трогательное послание, но можно предполагать, что два монаха, посланные с письмом от Илии, возвратились не с пустыми руками.

По ниспровержении владычества Аббасидов мусульманский мир под влиянием распрей и несогласий распался и утратил свою силу; зрелище этого падения приободрило на некоторое время греков. Никифор Фока, Ираклий и особенно Цимисхий сделали несколько удачных попыток; но смерть Цимисхия, отравленного внезапно среди пути, возвратила сарацинам все, что они потеряли. Халифы Фатимиды, поселившиеся недавно по берегам Нила, сделались новыми обладателями Иудеи. Под их управлением положение христиан было сносным до тех пор, пока не стал халифом Гакем, о жестоком фанатизме и яростном безумии которого сообщает история. Герберт, архиепископ Равенский, сделавшийся папой под именем Сильвестра II, видел бедствия христиан во время своего путешествия в Иерусалим. Письмо этого прелата (986), в котором Иерусалим сам оплакивает свои несчастья и вызывает к состраданию своих

детей, возбудило волнение в Европе. Следствием этого негодования и сострадания была морская экспедиция пизанцев, генуэзцев и короля Арльского, Бозжа, которая угрожала сарацинам до берегов Сирии; но эта неблагоприятная демонстрация возбудила только недоверие сарацин и привлекла на христиан усиленные меры строгости.

Летописцы того времени, описывая бедствия Святой земли, сообщают, что все религиозные церемонии были запрещены и большая часть церквей превращены в конюшни; храм Святого Гроба также подвергся опустошению. Христиане принуждены были удалиться из Иерусалима. Со слезами приняли на Западе известие о разрушении Святых мест. В разных явлениях представились благочестивым христианам как бы знамения этих несчастий: например, в Бургонии выпал каменный дождь; на небе видны были кометы и метеоры. В различных по климату местностях природа действовала как бы вопреки своим определенным законам, и год бедствий Иерусалима был полон печальных, таинственных знамений. Но все эти бедствия делали еще более дорогим и священным для христиан город их Икупителя. Вообще, конец X века составляет эпоху тревог и мрачной озабоченности; в Европе думали, что скоро наступит последний день мира и Иисус Христос сойдет на землю, чтобы судить живых и мертвых. Мысли всех были обращены к Иерусалиму, и путь странствия туда сделался как бы путем вечности. Богатые учреждали благотворительные заведения, так как блага земные вменялись тогда в ничто. Не одна дарственная запись начинается такими благочестивыми словами: «так как приближается конец мира» или «убоясь наступающего дня Суда Божия» и т. п. Когда умер Гакем – халиф-притеснитель, то преемник его, Захир, позволил христианам выстроить вновь храм Святого Гроба; император Константинопольский предоставил черпать средства из своей собственной казны для покрытия издержек по восстановлению храма.

В XI веке примеры странствий к Святым местам, налагаемых в виде церковного покаяния, встречаются еще чаще, чем в предыдущем столетии. Великие грешники должны были оставлять на некоторое время свое отечество и вести скитальческую жизнь, подобно Каину. Этот способ искупления греха (кражи, убийства, нарушения примирения во имя Бога) согласовался с деятельным и беспокойным характером западных народов. Чем дальше подвигается XI век, тем более любовь к странствиям на поклонение Святым местам становится потребностью людей, привычкой, законом. Посох странника виден в руке каждого уроженца Европы; старание ли избежать опасности или преодолеть затруднение, исполнение ли какого-нибудь желания или обета – все это служит причиной покинуть домашний очаг и стремиться к дальним небесам. Странник, направляющийся в Иерусалим, был как бы священной личностью; отъезд его и возвращение ознаменовывались религиозными церемониями. Ни в какой стране не подвергался он лишению благодетельного гостеприимства. Особенно же во время празднования Пасхи стечение паломников бывало многочисленно в Иерусалиме; толпы верующих стремились увидеть, как нисходит священный огонь и зажигает светильники у Гроба Господня.

Знаменитейшими паломниками первой половины XI века считают Фулька Анжуйского, по прозвищу Черный, и Роберта Нормандского, отца Вильгельма Завоевателя. Фульк, обвиненный в убийстве своей жены и, сверх того, в других убийствах, три раза путешествовал к Святым местам, заявляя многими доказательствами набожное свое настроение и милосердие, и умер в Меце в 1040 г. по возвращении из третьего странствия на богомолье. Роберт Нормандский, виновный, как говорят, в том, что по его повелению был отравлен брат его Ричард, также отправился вымаливать прощение Господа у Его Святого Гроба; по прибытии в Иерусалим встретил он у ворот города толпу бедных странников, стоявших тут в ожидании милостыни от какого-нибудь богатого господина, которая открыла бы им доступ в священный город, и заплатил за каждого из них по золотой монете. Роберт умер в Никее, сожалея, что ему не пришлось кончить жизнь свою при самом Гробе своего Господа.

В 1054 г. Литберт, епископ Камбрейский, отправился в Иерусалим во главе трех тысяч поклонников из Пикардии и Фландрии. Этот отряд, известный у летописцев под замечатель-

ным названием «войска Божьего», погиб в Болгарии, побитый оружием варваров и также от голода. Епископ Камбрейский прибыл в Сирию с очень немногими уцелевшими спутниками; но он был так несчастлив, что должен был возвратиться в Европу, не видав Гроба Господня. Другой отряд, более многочисленный, отбыл с берегов Рейна в 1064 г.; эти благочестивые германцы достигли Святой земли, где патриарх устроил им торжественную встречу при звуках литавр. В числе путешественников к Святым местам в это же время можно упомянуть еще о Фридрихе графе Вердунском, о Роберте Фризоне графе Фландрском, и о Беранжере графе Барселонском.

Вторжение турок, эта «наковальня, которая должна была тяготеть над всею землею», по выражению одного летописца, подчинило Восток новым владыкам, а палестинских христиан – новым притеснителям. К такому громадному количеству врагов, восставших против последователей Евангелия, Европа не отнеслась равнодушно. Папа Григорий VII, человек энергичный, смелый и предприимчивый, начал убеждать христиан вооружиться против мусульман; пятьдесят тысяч человек отозвались на его призыв, и Григорий VII сам должен был вести их в Азию. Но он не мог осуществить этого предприятия. Преемник его, Виктор III, обещал отпущение грехов всем, кто выступит на битву с сарацинами, свирепствовавшими по берегам Средиземного моря; флот, снаряженный жителями Пизы, Генуи и других городов Италии, явился у африканских берегов; итальянские воины изрубили множество сарацин и сожгли два мусульманских города в древней стране Карфагенской.

Но не первосвященник римский, а простой отшельник стал тем, кто под влиянием идеи, властвующей над веком, поднял знамя великой войны между Востоком и Западом. Петр Пустынник, родом из Пикардии, ища удовлетворения для своей пламенной и тревожной души и на войне, и в мире, и в церкви, избрал последним своим убежищем уединение в одном из самых суровых монастырей. Он покинул его лишь для того, чтобы пойти на поклонение к Святым местам. Вид Голгофы и Святого Гроба воспламенил его христианское воображение; зрелище страданий палестинских христиан возбудило его негодование. Петр Пустынник вместе с патриархом Симоном плакали над бедствиями Сиона, над порабощением последователей Иисуса Христа. Патриарх вручил отшельнику письма, в которых он умолял о помощи папу и государей; Петр обещал ему не забыть Иерусалим. И вот из Палестины отправляется он в Италию, припадает к ногам папы Урбана II, испрашивает и достигает его предстательства в пользу освобождения Иерусалима. И после того Петр Пустынник, воссев на мула, с босыми ногами, с обнаженной головой, в простой, грубой одежде, с распятием в руках отправляется из города в город, из провинции в провинцию, проповедуя на площадях и по дорогам. Таким образом проходит он по всей Франции и по большей части Европы; красноречие его потрясает толпы; все умы воспаляются, все сердца растроганы.

Немедленно в Пьяченце был созван собор; тут были и послы от императора Алексея, на которых было возложено представить папе картину бедствий на Востоке. Более 200 епископов и архиепископов, 4000 духовных лиц и 30 000 лиц светского звания присутствовали на соборе. Но ничего здесь не было решено. Великое решение состоялось на новом соборе, более торжественном и многочисленном, – Клермонском соборе в Оверни. После многих совещаний о преобразовании духовенства, об установлении относительно порядка, справедливости и человечности был поднят вопрос о Святой земле. Совещание, на котором раздалось слово о Иерусалиме, было десятым на соборе; оно происходило на большой Клермонской площади, покрытой несметными толпами народа; для папы был воздвигнут престол. Петр Пустынник заговорил первый; голос его дрожал от слез, когда он обратился к народу, и слова его произвели потрясающее впечатление. После него начал говорить папа Урбан, который представил зрелище наследия Христова в позорном порабощении, Божиих верных сынов – терпящими гонения и преследования, Европу христианскую – под угрозой победоносных варваров; папа призывал государей и народы послужить Богу Живому. При словах папы слышны были общие рыдания; на призыв

его к мужеству воинов толпа отозвалась пламенным рвением. Перед благочестивыми душами в словах папы открывалось Царствие Небесное, которое предстояло завоевывать, а перед честолюбивыми – земные блага и царства Азии. И подобно грому огласил Клермонскую площадь крик, вырвавшийся из сердец несметной толпы: «Этого хочет Бог! Этого хочет Бог!» Здесь мы только слегка касаемся действия, произведенного речью папы; только в истории крестовых походов можно видеть торжественное величие зрелища, явленного тогда перед христианским миром.

Глава II

С отбытия крестоносцев до осады Никеи (1096–1097)

пископы, бароны, рыцари и все верующие, которые присутствовали на Клермонском соборе, поклялись идти освобождать Иерусалим. Они облачились в одежду, украшенную красным крестом (из шелковой или шерстяной материи), и от этого произошло название *крестоносцев*. Урбан, с целью окончательно воспламенить сердца христиан, посетил многие провинции во Франции, созвал соборы в городах Руане, Анжере, Туре и Ниме; толпы народа следовали за ним, и воинственный энтузиазм охватил всю страну. Собор, на котором решен был крестовый поход, происходил в ноябре 1096 г., а в августе следующего года было назначено крестоносцам выступить в поход. В продолжение зимы делались приготовления. Епископы всех епархий были заняты освящением крестов, оружия и знамен. Религиозное рвение и разные привилегии, предоставленные крестоносцам, содействовали увеличению числа пилигримов и воинов. Им отпускались все прегрешения; церковь принимала под свое покровительство и крестоносцев, и их семейства, и имущество; они освобождались от податей и налогов и от преследования своих кредиторов во все продолжение похода.

Рвение к пилигримству разгорелось повсюду; это сделалось единственным стремлением, единственным предметом интереса и честолюбия. Желание посетить Святые места и завоевать Восток превратилось во всеобщую страсть. Земли начали продаваться по низкой цене; ремесленники, купцы и земледельцы охладели к своим обычным занятиям и сделались безучастными ко всему, кроме крестового похода. Даже монастыри оказались не властны удержать в своих стенах их суровых обитателей; клятва жить и умереть в уединении должны были уступить силе влечения в дальние области. И странное явление! Даже воры и разбойники выползли на свет Божий из своих скрытых притонов и вымаливали счастье принять крест и идти искупить свои преступления в бою с врагами Иисуса Христа. Восторженное настроение крестоносцев, начавшееся во Франции, перешло оттуда в Англию, Германию, Италию и Испанию; под знаменем Креста различные западные народы слились в одном общем стремлении. Для народов, как и для отдельных личностей, не стало земли более желанной, чем Палестина; не представлялось более славного подвига, чем крестовый поход; не утешала иная надежда, кроме освобождения Иерусалима. Фантазия и народные страсти присоединили саму природу к этому всеохватывающему воинственному порыву: она то покрывала небо кровавыми облаками, то ниспускала комету в виде меча или расстилала по небесному пространству движущиеся города с башнями и украшениями, вооруженные легионы и знамение креста. Знаменитые покойники минувших времен (таковы были толки в народе) покинули свои могилы, чтобы принять участие в этом великом движении христианской Европы.

В первые весенние дни 1096 г. внезапно и повсеместно разгорелся порыв выступить в поход; ничто более не могло сдерживать благочестивого рвения крестоносцев. Все звания, возрасты и сословия смешались под знаменем Креста. Дороги были усеяны отрядами, из среды которых то тут, то там раздавался возглас «Этого хочет Бог!», слышались звуки труб и литавр

и пение гимнов и псалмов. Целые семьи, забрав с собой провизию, утварь и мебель, пускались в Палестину, предавая себя провидению Того, Кто питает птиц небесных. Деревенские дети, встречая на пути город или замок, спрашивали в своем простодушном неведении: не это ли Иерусалим?

Князья и вожди, которые должны были предводительствовать различными отрядами крестоносцев, решили, что они отправятся в разное время и по разным дорогам, но все соединятся в Константинополе. Большая часть ополчения не хотела ждать; не имея предводителя, она требовала, чтобы Петр Пустынник повел ее на Восток. Петр согласился на это. В шерстяной мантии с капюшоном на голове, в сандалиях на ногах, на том же муле, на котором он разъезжал по Европе, Петр направился в Германию во главе восьмидесяти и даже до ста тысяч народа. Проповедник крестового похода, сделавшийся предводителем такой массы пилигримов, не подумал о беспорядках и бедствиях, могущих возникнуть вследствие грубого невежества и отсутствия всяких разумных мер и дисциплины. Авангард армии Петра Пустынника, предводительствуемый Готье Голяком, состоял только из восьми всадников, все прочие шли завоевывать Восток, собирая милостыню по дороге. Этот авангард прибыл в Константинополь, совершив печальный и бедственный двухмесячный поход через Венгрию и Болгарию. Император Алексей дозволил ему тут дожидаться армии Петра Пустынника. Армия же эта, следуя по пути, проложенному ратниками Готье Голяка, увидела следы бедствий, которые они потерпели, и неблагоразумно пожелала отомстить за них. Высокую идею крестовых походов она осквернила страшнейшими ужасами, которые пришлось ей искупить под стенами Ниссы. И когда остатки армии Петра Пустынника соединились с остатками авангарда вокруг Константинополя, то все поклялись соблюдать впредь дисциплину и подчиняться разумным распоряжениям. Петр Пустынник оказался предметом большого любопытства при императорском дворе; Алексей осыпал его подарками, приказал снабдить его армию деньгами и провиантом и посоветовал ему подождать прибытия владетельных князей, чтобы начать войну.

Но князья и настоящие предводители крестового похода еще не выступили из Европы; им предшествовали новые ополчения, подобные тем, какие вели Готье Голяк и Петр Пустынник. Пфальцский священник Готшалк отправился с 15 000 (до 20 000) войска из разных провинций Германии, вооружившегося по его призыву; при переходе через Венгрию отряд этот предался всем неистовствам разгула и был истреблен оружием венгров. С берегов Рейна и Мозеля выступило другое ополчение под предводительством священника Фолькмара и графа Эмикона; эта толпа – сборище бродяг и искателей приключений, – руководимая двумя лицами, плохо разумевшими смысл и дух крестового похода, устремила как на врагов на всех евреев, которых встречала на пути, и кровью их обагрила несколько городов в Германии. Рейн и Мозель покрыты были израильскими трупами. После этих кровопролитий перед ратниками Эмикона, подвигающимися по направлению к Венгрии, все местное население обращалось в бегство. Месбург не пропустил их через свои ворота и отказал им в продовольствии. Большинство этих недостойных крестоносцев погибло под стенами Месбурга после неудачной осады этого города; только немногочисленный авангард из отряда Эмикона достиг Константинополя.

Петр Пустынник проповедует крестовый поход

Наступление на Месбург

Все эти соединившиеся теперь ополчения становились опасными гостями для Алексея; уже несколько домов, дворцов и даже византийских церквей были сожжены и разграблены этими необузданными пилигримами; император заставил их перейти на другую сторону Босфора, и крестоносцы расположились лагерем в окрестностях Никомедии. В скором времени возникли несогласия между французами, итальянцами и германцами. Последние под предводительством Ренальда двинулись к Никее, отняли у мусульман крепость Эксерогорго, но вскоре после того, осажденные турками, все почти погибли под ударами их мечей. Узнав о печальной участи итальянцев и германцев, французы потребовали от своего предводителя Готье, чтобы он повел их навстречу неприятелю, для того чтобы отомстить за своих братьев-христиан. Готье отговаривал их от этого, но его благоразумные доводы были встречены общим ропотом. Яростные крики толпы заставили его уступить, и отряд в беспорядке двинулся к Никее. Немедленное поражение его было наказанием за это возмущение. Готье, который был бы достоин предводительствовать лучшими воинами, пал, сраженный семью стрелами. Петр Пустынник, который давно уже лишился доверия крестоносцев, возвратился в Константинополь еще прежде битвы. С этой минуты отшельник не выдавался из ряда прочих лиц, принимавших участие в крестовом походе; он был едва замечен на войне, которую он вызвал силой своего красноречия.

Такова была участь 300 000 крестоносцев, вышедших из Европы. Прискорбно, но не удивительно было услышать о бедствиях, постигших эти передовые отряды, которыми не руководили ни законы, ни добродетели, ни дисциплина и которые создались, так сказать, из пены

взволнованного западного строя. Но эти несчастья не возбудили отчаяния в предводителях крестового похода; более правильно сформированные и более одушевленные христианским духом войска должны были оказаться более грозными борцами с Востоком, чем скопища и отряды, распавшиеся или уничтоженные в Болгарии, Венгрии и Вифимии. Теперь только мог начаться настоящий крестовый поход; теперь только откроется перед нами борьба за Крест во всем ее героическом и настоящем смысле.

Во главе христианских армий является сначала Готфрид Бульонский герцог Лотарингский, из рода графов Бульонских, происходящий по женской линии от Карла Великого. Очень еще юный, он успел уже отличиться на войне между папой и германским императором и в борьбе против папы, защищая дело антипапы Анаклета; но эта служба была признана святоотечественной, и он должен был искупить свои преступные подвиги путешествием в Иерусалим. По свидетельству летописцев, Готфрид соединял в себе мужество и добродетель героя с простотой отшельника; он обладал большой физической силой и отличался благоразумием, воздержанием и искренним благочестием. Глубокий ум придавал ему такое нравственное превосходство, которое прямо указывало в нем главного и настоящего предводителя крестового похода. По призыву герцога Лотарингского все высшее сословие французское и прирейнское предоставило свои богатства для снаряжения экспедиции.

Под знаменами Готфрида собралось восемьдесят тысяч пехоты и десять тысяч человек конного войска. Он выступил в поход через восемь месяцев после Клермонского собора, в сопровождении брата своего Евстафия Бульонского, другого брата, Балдуина, и двоюродного брата Балдуина Бурского; при нем были еще Балдуин граф де Геннегау, Гарнье граф де Грэ, Конон де Монтегю, Дюдон де Гутц, братья Генрих и Готфрид Гашские, Рено и Пьер Тульские, Жерар Керизийский, Гуго де Сен-Поль и сын его Энгельран. Эти предводители вели за собой множество других рыцарей. Армия Готфрида Бульонского встретила помощь и получила удовольствие в тех же самых странах Венгрии и Болгарии, где воины Петра Пустынника, Готшалка и Эмикона возбудили только недоверие и подверглись всякого рода бедствиям.

Франция, между тем, вооружала новые войска для поддержания священной войны. Граф Гуго, брат Филиппа I, соединил под своими знаменами пилигримов Вермандуаских. Роберт по прозвищу Курт-Гез, герцог Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя, был во главе своих вассалов; не имея достаточно средств, чтобы содержать войско, он заложил Нормандию брату своему Вильгельму Рыжему, не очень заботившемуся о делах на Востоке. Другой Роберт, граф Фландрский, сын Роберта, прозванного Фризоном, предводительствовал фризами и фламандцами. Стефан граф Блуаский и Шартрский, замков у которого было столько же, сколько дней в году, также присоединился к делу крестоносцев. За этими четырьмя вождами последовала толпа рыцарей и вельмож, между которыми история упоминает о Роберте Парижском, Эвранде Пуизейском, Ашарде Монмерльском, Изуарде Мюзонском, Стефане графе Альбмарльском, о Готье Сен-Валерийском, Рожере Берневильском, о двух знаменитых бретонцах, Фержане и Кононе; о Ги Трюсельском, Миле Брейском, Рауле Божансийском, о Ротру, сыне графа Першского; об Одоне, епископе Байеском, дяде герцога Нормандского; о Рауле Гадерском, Иве и Альберике, сыновьях Гуго Гранменильского. Все эти французские отряды перешли через Альпы с намерением отплыть на судах из одного из итальянских портов.

При слухах о проходе французских крестоносцев взволновалась и Италия. Боэмунд, князь Тарентский, сын Роберта Гискара, пожелал также разделить честь и опасности священного предприятия. Это был человек ловкий, храбрый и честолюбивый, полный ненависти к греческим государям, он радовался при мысли, что будет переходить через их империю во главе целой армии. Без сожаления готов он был отдать свое маленькое Тарентское владение за надежду покорить царства на Востоке. Боэмунд был со своим братом и со своим дядей Рожером при осаде Амальфи; он сам выступил проповедником крестового похода, и лагерь осаждающих огласился вслед за тем криками: «Этого хочет Бог! Этого хочет Бог!» И вот вой-

ско отходит от стен Амальфи, и Боэмунд провозглашается предводителем новой армии пилигримов. С 10 000 всадников и 20 000 пехоты он садится на суда и отправляется в Грецию; славнейшие рыцари Апулии, Калабрии и Сицилии последовали за князем Тарентским. Между знатнейшими спутниками сына Роберта Гискара были Ричард, князь Салернский, и брат его Ранульф, Герман Канийский, Роберт Гозский, Роберт Сурдевальский, Роберт, сын Тристана, Буаль Шартрский, Гумфрид де Монтегю и знаменитейший из всех – Танкред, рыцарский героизм которого воспели поэты и прославили историки. Адемар Монтейльский и Раймунд, граф Сен-Жильский и Тулузский, были избраны вождями крестоносцев из южных провинций. Епископ Адемар, первым принявший крест на Клермонском соборе, получил от папы Урбана II титул апостольского легата, духовного вождя крестового похода. Митра духовного владыки и рыцарский шлем были попеременным его облачением; он был образцом, опорой и утешителем всех ополчившихся в священный поход.

Раймунд Сен-Жильский обагрил свой меч кровью мавров в Испании. В нем уже не было первого пыла молодости, но и в преклонных годах он отличался неустрашимостью и непоколебимой твердостью характера. Он простился со своими обширными многочисленными владениями на берегах Роны и Дордоны и отправился на Восток в сопровождении знатнейших владетелей из Гаскони, Лангедока, Прованса, Лиможа и Оверни. Летописцы упоминают между ними Ираклия графа де Полиньяка, Вильгельма Сабранского, Элезара Монтредорского, Пьера-Бернара Мотальякского, Элезара Кастрийского, Раймунда Лилльского, Пьера-Раймунда Готпульского, Гуссье Ластурского, Вильгельма V, владельца Монпелье, Рожера графа Фуаского, Раймунда Пеле, владельца Алеского, Изуарда графа Дийского, Рембота графа Оранжского, Вильгельма графа Форезского, Вильгельма графа Клермонского, Жерарда, сына Гильяберта, графа Руссильонского, Гастона виконта Беарнского, Вильгельма-Аманжье Альбертского, Раймунда VI графа Тюренского, Раймунда виконта Кастильонского, Вильгельма-Дюржеля графа Форкалькверского. Епископы Аптский, Лодевский, Оранжский, архиепископ Толедский были во главе своих вассалов, как и епископ Адемар. Армия Раймунда Сен-Жильского состояла из ста тысяч крестоносцев; она перешла через Альпы, Ломбардию, Фриуль, Далмацию и вступила в пределы греческой империи.

Алексей Комнин искал помощи на Западе в защиту от вторжения мусульман, но, по мере того как князья-крестоносцы подвигались со своими войсками к Константинополю, Алексей начинал опасаться многочисленности своих освободителей. И этому наплыву народов на его владения он противопоставил политику хитрости, коварства и подкупа. Он трепетал на своем ветхом престоле; и в самом деле, если бы не было благочестивого Готфрида, который не допустил нарушения присяги, принятой перед крестовым походом, то латинские знамена развевались бы уже с тех пор на стенах Византии.

С помощью подарков и низкой угодливости Алексей пользовался-таки временным уважением латинских князей, за исключением Танкреда, пребывавшего нечувствительным к обольщениям императорского двора. Но ради обеспечения мира Алексей не отступил ни перед каким унижением, ни перед каким обещанием. Однако же он успокоился не прежде того, как все эти пришельцы с Запада перешли по ту сторону Босфора.

Начиналась весна 1097 г., когда воины креста вступили в Вифинию; на пути к Никее они увидели замок Эксерогорго, ставший могилой для предприимчивых спутников Ренальда и полем битвы, на котором непокорный и своевольный отряд Готье был истреблен мусульманским оружием. Четыре тысячи работников, вооруженных лопатами и заступами, были заняты теперь разравниванием дороги; железные или деревянные кресты, расставленные на разных расстояниях, обозначали путь, по которому должно было следовать латинское войско.

При приближении крестоносцев султан Кылыч-Арслан (Львиная Сабля) созвал со всех сторон своих поданных и союзников для защиты ислама; он постарался образовать из них войско и укрепить город Никею, на который должны были обрушиться первые удары христиан.

Этот город, столица Вифинии и резиденция Румского султана, был выстроен на берегах Асканского озера, сообщающегося с Мраморным морем. 370 каменных или кирпичных башен защищали двойную ограду его стен, по которым можно было бы прокатить колесницу. Румский султан со своим сотысячным войском расположился на горах близ Никеи. С ужасом должен был он смотреть оттуда на христианскую армию, распространившуюся по долине; эта армия состояла из более чем 100 000 конницы и 500 000 человек пехотного войска.

Крестоносцы решились приступить к осаде Никеи; каждому корпусу армии было отведено свое место, каждому народу – свой участок, окруженный стенами и тыном. Первые дни осады прошли в бесплодных попытках. Но вдруг неприятельский авангард, состоящий из 10 000 всадников, стремительно спускается в долину; крестоносцы, предупрежденные о нападении, остаются в выжидательном положении под оружием. Начинается битва. На помощь помятому сарацинскому авангарду выступают 50 000 всадников под предводительством султана. Почва долины колеблется под натиском двух армий; стрелы сыплются в ряды воинов; воздух оглашается ударами копий и мечей и криками мусульман. Готфрид, брат его Балдуин, Роберт Фландрский, Роберт Нормандский, Боэмунд и Танкред бросаются всюду, где заметна опасность. Битва эта длилась с утра до ночи; победа осталась за христианами, но они потеряли 2000 своих братий; сарацины же убежали в горы, оставив в долине 4000 убитых.

Освободясь от соседства неприятельского войска, крестоносцы возобновили осаду Никеи. Во время одного из приступов перед христианами является сарацин-гигант, который, стоя на стенах, поражает смертью одного врага за другим, но сам остается невредим от ударов; как бы желая доказать, что он ничего не боится, гигант отбрасывает свой щит, обнажает свою грудь и начинает метать в крестоносцев целыми глыбами камни; крестоносцы валятся в бессилии защитить себя. Наконец выступает Готфрид, вооруженный самострелом и в сопровождении двух оруженосцев, которые ограждают его своими щитами; мгновенно вылетает стрела, пущенная его могучей рукой; гигант, пораженный в сердце, падает мертвый на стену в виду обрадованных крестоносцев и неподвижных от страха осаждаемых.

Семь недель уже длилась осада, и тогда только крестоносцы заметили, что мусульмане пополняли свои потери подкреплениями, прибывающими через озеро Асканское, примыкающее к городу с западной и южной стороны. Тогда они послали за лодками и за судами в одну из гаваней Пропонтиды, называемую Сивито (ныне Гемлик); эти лодки и барки поставлены были на телеги, запряженные лошадьми, и в одну ночь, отправленные на них сильного сложения люди, успели подъехать к Никее и пересечь на суда, так что на заре суда с этими неустрашимыми крестоносцами покрывали уже все озеро Асканское. Удивлены и поражены были таким зрелищем защитники Никеи. После нескольких усиленных приступов со стороны крестоносцев, они лишились всякой надежды на спасение; Никея должна была или сдаться, или пасть после последнего приступа, но политика Алексея вырвала из рук латинян эту победу. Между войсками крестоносцев было два греческих отряда под начальством двух воевод, которым поручено было хитростью перехватить Никею в пользу императора. Один греческий офицер пробрался в город и предложил мусульманам подчиниться власти императора Константинопольского, объявив им, что в этом – единственное средство для них избежать мщения со стороны крестоносцев; ему поверили, и мусульмане сдались на его предложение – к великому удивлению и негодованию христиан. Когда они вслед за тем увидели развевающиеся на башнях знамена Алексея. Впрочем, ропот скоро затих. Алексей остался обладателем Никеи.

Император приобрел Никею, но это не удовлетворило его вполне; ему нужен был Танкред, то есть ему нужно было, чтобы этот рыцарь дал клятву быть подчиненным и верным ему. Танкред, уступая просьбам Боэмунда и других вождей, обещал быть верным императору, пока сам император пребудет верным делу крестоносцев. В этом согласии была угроза, но Алексей не мог требовать ничего больше. Впрочем, после всего, что произошло в Никее, искренний союз между греками и латинянами сделался более невозможным; взаимное враждебное чув-

ство между греками и крестоносцами доходило до ненависти и составляло между ними как бы непроходимую бездну.

Глава III

С отбытия из Никеи до прибытия в Антиохию (1097–1098)

Азия, в то время еще неизвестная, которая впоследствии поглотила столько западных народов, открылась теперь перед христианскими войсками со своими местностями без проложенных путей, со своими горами и пропастями и со своими дикими обитателями. Крестоносцы, продолжая свой путь к Сирии и Палестине, отбыли из Никеи в 1097 г., 25 июня; через два дня пути подошли они к мосту, построенному на том самом месте, где река Галл впадает в Сангарий, известный ныне под именем Сакарии. Так как им предстояло пробираться теперь по местности пустынной и безводной, то армия разделена была на два корпуса, значительнейшим из которых предводительствовали Готфрид, Раймунд, Гуго Великий и граф Фландрский; во главе другого корпуса были поставлены Боэмунд, Танкред и герцог Нормандский. Войско Готфрида двинулось направо, а войско Боэмунда – налево. После трех дней пути перед войском Боэмунда открылась долина Горгони. И тут внезапно устремляется на него с гор неприятель; султан Кылыч-Арслан после неудачи своей при Никее собрал новые силы; он следовал за крестоносцами, изыскивая случай заставить их дорого поплатиться за взятие его столицы.

Боэмунд делает распоряжение, чтобы были расставлены палатки; мгновенно на берегу реки устраивается лагерь, и здесь располагается слабейшая часть войска. Нападение на него было сильное; неприятель имел превосходство численности, перед которой все чудеса храбрости христианских воинов должны были оказаться бесплодными.

Воины Кылыч-Арслана вторгаются в латинский лагерь, предают избиению всех на пути своем, щадя только женщин, которых забирают в неволю. Боэмунд является на поле битвы, и сцена изменяется. Герцог Нормандский, вырвав свое белое знамя, вышитое золотом, из рук человека, несшего его, бросается в толпу сарацин и с криком: «За мною, нормандцы!» – начинает косить мечом своим кровавую жатву в неприятельских рядах. Танкред, который в начале битвы изнемог бы без помощи Боэмунда, с новым жаром и неистощимым мужеством продолжает битву. Уже несколько часов рыцари Креста неутомимо поддерживали неравную борьбу; многочисленность врага уже преодолевала их, когда вдруг тысячи радостных возгласов возвестили о прибытии войска Готфрида: в самом начале битвы Боэмунд отправил гонца, чтобы предупредить герцога Лотарингского. Немного понадобилось времени, чтобы решить, на чьей стороне останется победа.

Вечером, когда битва кончилась, три тысячи высших чинов и более двадцати тысяч низших чинов мусульманского войска лежали убитыми; неприятельский лагерь, расположенный в двух милях за долиной Горгони, перешел во власть победителей. Крестоносцы потеряли 4000 товарищей, тела которых были преданы погребению при пении священных молитв. Битва эта, первая с начала крестового похода, получила название Дорилейской, по причине близости города этого имени, который теперь называется Эскишехир (Старый город).

Христиане, продолжая путь, решились не расставаться более. Это решение было хорошо в том отношении, что усиливало их в случае нападения, но было вместе с тем и неудобно в случае других бедствий, например голода и жажды. Турки позаботились разорить те места, которые не могли защищать; грабежом и пожарами опустошили они ту часть Каппадокии, Исаврии, Фригии, по которой должны были проходить крестоносцы. Путь христианской армии от долины Горгони до Антиохетты, столицы Писидии, был продолжительным бедствием. Антиохетта открыла перед ними своим ворота; тут оказались пастбища и продовольствие, и армия отдохнула здесь. Во время пребывания ее вокруг этого города она едва не лишилась двух главных своих предводителей: Раймунд Сен-Жильский опасно захворал, а Готфрид, защищая одного крестоносца, на которого напал медведь, победил зверя, но сам был ранен в бедро, к счастью, однако же, не смертельно. Обоих вождей пришлось в продолжение нескольких недель переносить вслед за войском на носилках.

С тех пор как крестоносцы покинули Европу, между ними еще не происходило несогласий, но пришлось испытать и это бедствие. Танкред во главе итальянских воинов, Балдуин, брат Готфрида, – с фламандцами были посланы вперед. Проходя через Ликаонию, они нигде не встретили врага и поспешили достигнуть Киликии. Танкред, шедший впереди, остановился у Тарса и приказал повесить свое знамя на стенах города, бывшего колыбелью св. Павла. Вслед за ним подходит Балдуин и требует, чтобы город был сдан ему, под тем предлогом, что отряд его многочисленнее, чем отряд итальянского героя. Испуганные его угрозами, жители соглашались заменить знамя Танкреда знаменем Балдуина на стенах их города. Брат Готфрида довершает негодование итальянцев отказом принять в городе, предавая таким образом мечу турок, триста крестоносцев, посланных Боэмундом. В таких обстоятельствах воздержанность Танкреда только и могла обуздать ярость итальянцев, которые ограничились тем, что предали мщению своих братьев – тех мусульман, что оставались в башнях города. В это время корсары фландрские и голландские, прослышав о походе христиан, явились в Тарскую гавань; предводитель их Гимер, булонец, узнал Балдуина, сына своего прежнего господина, принял крест вместе со своими товарищами и обещал служить брату Готфрида.

Танкред, удалившись из Тарса со своим отрядом, хотел расположиться лагерем у стен Аданы, крепости в Киликии, которая уже была занята властителем Бургильонским; сложив свои палатки, он двинулся к другому городу, по имени Мальмистра, откуда и выгнал турок. Балдуин, выступив из Тарса, где он оставил гарнизон, также подошел к Мальмистре. При виде фламандских палаток итальянцы, уверенные, что Балдуин захочет воспользоваться и этой их победой, берутся за оружие. Начинается страшная битва между этими двумя христианскими войсками. Отряд Танкреда, уступающий в численности, принужден был отступить. На другой день, однако же, противники помирились во имя религии. Вожди обняли друг друга в присутствии своих войск. Танкред подчинил потом своей власти несколько крепостей в Киликии.

Между тем, главная армия крестоносцев перешла через Иконий и Ираклию; переступив через Тавр, она остановилась на отдых и нашла продовольствие в городе Коксоне (древней Кукузе, прославившейся как место ссылки св. Иоанна Златоуста). Переход из Коксона в Марезию был тяжелым и бедственным; на этом пространстве более восьми или десяти миль не было ничего, кроме колючего кустарника, хвороста, скал и пропастей; не было ни дорог, ни даже проторенной тропинки. Эта часть Тавра была свидетельницей великих бедствий и великого отчаяния. Крепость Марезия, изобилующая всякого рода средствами к жизни, население которой состояло из христиан, была в конце этого пути. Жена Балдуина умерла и была похоронена в этом городе.

В Марезии Балдуин присоединился к христианской армии; он пожелал увидеть собственными глазами, в каком положении был брат его Готфрид. Он был обвинен за свою несправедливость и насилия относительно Танкреда; вследствие ли этого обстоятельства или того, что освобождение Святой земли не было единственной его целью, Балдуин поддался предложе-

ниям одного армянина, искателя приключений, который прельщал его победами на берегах Евфрата; и вот в сопровождении тысячи воинов, которых ему удалось отбить у крестового похода, он отправился основывать в Месопотамии графство Эдесское, которое впоследствии оказалось полезным для латинян. В пространной истории крестовых походов читатель найдет любопытные подробности, которыми сопровождались эти быстрые завоевания Балдуина.

Артезия, в древности Халкида, город, занятый турками, не замедлил подчиниться власти крестоносцев. Эта крепость была последней из охранявших путь в Антиохию, и мусульмане не пренебрегли ничем, чтобы ее защитить; но они принуждены были удалиться из нее. Оставался еще пункт – мост Оронтский, называемый Железный мост (ныне Герс-ил-Гаддид), оконечности которого были защищены двумя башнями, обшитыми железом. Мусульманские воины заняли эти башни, и весь левый берег Оронта покрылся неприятельскими батальонами. Напрасные преграды, которые должны были рухнуть перед великой христианской армией! Выступив из Артезии, где Танкред присоединился к прочим крестоносцам, армия продвигается в полном порядке. Авангард, предводительствуемый Робертом Нормандским, подходит к Железному мосту и сначала не может пробить себе дорогу; большинство христианских батальонов являются подкрепить отряд Роберта; бросаются на мост. Франки оказываются победителями на обоих берегах Оронта, а турки, ускользая от избиения, быстро скрываются по направлению к Антиохии.

Еще четыре часа пути, и перед армией франков должна была открыться столица Сирии. Вождям известны были грозные укрепления Антиохии; архиепископ Адемар, желая подготовить крестоносцев и придать им бодрости, рассудил не оставлять их в неведении того, что им предстояло осаждать страшный город, стены которого «были выстроены из каменных глыб огромного размера, скрепленных между собою неизвестным и неразрушимым цементом», – город, в котором собраны были со всех сторон враги имени Христова.

Христианская армия перешла на левую сторону Оронта; направо от него было озеро Барэль-Абиад (Белое море); путь, по которому она направилась, называемый у летописцев царским путем, проходит по долине, не имеющей ни одного деревца. Пурпуровые и золотые хоругви развевались на воздухе; позолоченные щиты, каски и кирасы блестели на солнце и неслись вперед, как лучезарное пламя; шестьсот тысяч крестоносцев покрывали долину Умк, которая известна теперь только алеппскому каравану да туркменскому всаднику. Двойное впечатление могло охватить христианскую армию в виду Антиохии: чувство страха при виде громадных стен и гор, защищавших город, и чувство благочестивого умиления перед «городом Божиим» (Феополь), столь знаменитым в истории первых веков христианства.

Глава IV

Осада и взятие Антиохии (1097–1098)

Антиохия была окружена стенами на пространстве четырех миль в окружности; над ней с юга возвышались четыре холма, заключенные в городских стенах; с севера вблизи от укреплений протекала река Оронт; с этой стороны укрепления были не так грозны, как в других частях города, потому что Оронт служил уже естественной защитой. В Антиохии было 130 башен. Стены были увенчаны зубцами, которых, по свидетельству арабского летописца, было 24 000. Когда крестоносцы подошли к Антиохии, минуло уже 14 лет, как она перешла от владычества греков под владычество мусульман. В городе тогда находилось множество сарацин, которые, испугавшись приближения латинян, сбежались сюда из окрестных земель, чтобы вернее укрыться со своими семействами и имуществом. Туркменский эмир Башзиам или Акциан, получивший верховную власть над городом, заперся в нем с 7000 конных воинов и 20 000 человек пехоты.

Осада Антиохии была решена, несмотря на приближение зимы. Боэмунд и Танкред раскинули свой лагерь на высотах, находящихся недалеко от восточных ворот, или ворот св. Павла; направо от итальянцев, на плоскости по левому берегу Оронта до Собачьих ворот, расположились два Роберта, Стефан граф Блуаский, Гуго граф де Вермандуа с их нормандцами, фламандцами и бретонцами; далее, к северу от города, размещались граф Тулузский и епископ Пуэзийский со своими провансальцами; войско же Раймунда занимало весь промежуток от Собачьих ворот до следующих ворот, названных впоследствии воротами Дюка. Тут начиналось размещение войска Готфрида, которое достигало ворот Моста; таким образом, оно простиралось до того места, где Оронт омывал стены Антиохии. Вследствие такого распределения крепость была обложена с трех сторон: с востока, с северо-востока и с севера. С юга же крестоносцы не могли обложить город, потому что тут лежала неприступная гористая местность. Осаждающим был бы очень полезен пункт к югу от Антиохии, потому что им были бы замкнуты западные ворота, или ворота св. Георгия, через которые мусульмане могли выходить и получать продовольствие, но для этого им пришлось бы перейти через Оронт. Таково было лагерное расположение христианского войска.

Из 600 000 пилигримов насчитывалось 300 000 способных к военному делу. Какое величественно зрелище представляло это громадное множество палаток, эти многочисленные вооруженные легионы и вся эта масса народа, прибывшего с Запада! Какая грозная сила для осажденных!

В первые дни осады крестоносцы были так уверены, что ужас принудит осажденных открыть ворота города, что сами предавались бездействию; осенняя пора доставляла им обильную пищу; зеленеющие берега Оронта, рощицы Дафны, прекрасное сирийское небо располагали их к удовольствиям; беспорядок и бесчинство появились среди христовых воинов. Турки в разных вылазках убили и забрали в плен множество пилигримов, скитавшихся по окрестностям. Желая отомстить за смерть товарищей, крестоносцы задумали взять город приступом,

но у них не было лестниц и боевых машин. Они построили мост на ладьях, чтобы воспрепятствовать набегам мусульман на противоположный берег. Христиане позаботились загородить осажденным все проходы. Они старались разрушить мост, построенный на болоте, напротив Собачьих ворот, через который мусульмане обыкновенно выходили; после многих бесплодных усилий они поставили там громадную башню, которую неприятели подожгли, и она обрушилась. И не удалось иначе пилигримам загородить этот проход, как притащив руками к самым Собачьим воротам громадные каменные глыбы и самые толстые деревья, срубленные в соседних лесах.

Между тем, отважные рыцари бодрствовали вокруг лагеря. Танкред, подстерегавший врагов в засаде, напал однажды на шайку сарацин, и семьдесят голов скатились под его ударами. В другой раз Танкред, прохаживаясь по окрестностям с одним только оруженосцем, познакомил множество сарацин с непреодолимой мощью своего меча, но, движимый поразительной героической скромностью, славный рыцарь приказал своему оруженосцу никому не рассказывать о подвигах, которым тот был свидетелем.

Вылазки осаждаемых становились реже; но крестоносцы, за отсутствием боевых машин, не могли решиться на приступ. Таким образом, все эти гордые рыцари осуждены были ждать победы от отчаяния турок или от милости Божией. Вскоре началась зима; продовольствие, назначенное на несколько месяцев, было уничтожено в несколько дней. В лагере появился беспощадный голод; дождевые потоки наводнили палатки, так что этот лагерь, недавно еще оживленный весельем, представлял теперь крайне печальное зрелище. Решено было предпринять экспедицию в соседние страны, чтобы добыть съестных припасов. После праздников Рождества тысяч 15 или 20 пилигримов под предводительством Боэмунда и Роберта Фландрского направились в область Харим, находящуюся в нескольких милях к юго-востоку от Антиохии, и скоро возвратились со множеством коней и верблюдов, навьюченных съестными припасами. Не много понадобилось времени, чтобы истощились эти припасы; были сделаны новые набеги, которые ничего не доставили лагерю. Ежедневно холод, голод и разные болезни усиливали страдания армии и рыли новые могилы для новых жертв. Недоставало священников, чтобы отпевать умерших, и места не хватало для могил. Летописцы, описывая опустошения, производимые голодом, изображают рыцарей бледными, в лохмотьях, вырывающими острием оружия корни растений, вытаскивающими из полевых гряд новые посевы и оспаривающими дикие травы у выючных животных. От неимения надлежащей пищи почти все боевые кони погибли. Их насчитывалось вначале осады до 70 000; теперь оставалось их не более 2000, и те еле-еле бродили вокруг палаток, истлевших от зимних дождей.

Ко всем этим бедствиям присоединились побегы из лагеря. Герцог Нормандский, удалившийся в Лаодикею, возвратился к воинству только после трех убедительных призывов во имя Иисуса Христа и религии. Бегство Вильгельма Шарпантье (Плотника) и Петра Пустынника произвело позор и уныние. И неслыханная противоположность! Среди самой ужасной нищеты появился разврат; в палатках крестоносцев воцарились рядом голод и разврат. Епископ Адемар громил своим строгим словом развратников и святотатцев; из главных военных и духовных начальников был снаряжен суд, чтобы преследовать и предавать наказанию виновных.

Приближение весны оживило надежды христианского воинства; болезни уменьшились; в лагерь доставлялось продовольствие от графа Эдесского, от князей и монахов армянских, с островов Кипра, Хиоса и Родоса. Готфрид, который по случаю опасной раны долго не мог выходить из палатки, явился наконец в лагерь, и присутствие его произвело оживление среди общего упадка духа. В это время прибыли в христианский лагерь послы от египетского халифа. Христиане, желая скрыть от врагов-мусульман свое бедственное положение, постарались окружить великолепием свою обстановку и выказывали веселое настроение духа. Послы предложили им содействие халифа на том условии, чтобы христианское войско ограничилось простым поклонением гробу Иисуса Христа. Франкские воины отвечали, что они пришли в Азию

не для того, чтобы подчиняться каким-либо условиям, но что целью их путешествия в Иерусалим было освобождение священного города. Почти в это же время Боэмунд и Роберт Фландрский одержали победу над князьями Алеппским, Дамасским, Шайзарским, Эмесским, которые выступили в путь на помощь Антиохии. Крестоносцы не скрыли и этого последнего торжества от каирских послов, готовых к отплытию из порта св. Симеона; на четырех верблюдах были препровождены к ним головы и останки двухсот мусульманских воинов.

Прибытие в порт св. Симеона пизанского и генуэзского флота было поводом к кровопролитным столкновениям. Толпы пилигримов, не имевших иной защиты, кроме меча Боэмунда и графа Тулузского, присоединились к европейскому флоту, снабженному продовольствием; но на обратном пути от моря в лагерь антиохийский эта толпа была настигнута мусульманами. Около тысячи христиан погибло, остальные, преследуемые турками, также не избежали бы смерти, если бы Готфрид и другие вожди не поспешили на помощь пилигримам, узнав об их поражении. Неприятель поспешил перейти через мост, чтобы возвратиться в Антиохию, но христиане успели перехватить эту дорогу; сверх того, те, кто бежал сначала к Черным горам на севере Антиохии, возвратились, чтобы возобновить битву, и мусульмане, заключенные таким образом и стиснутые между Оронтом и горами, видели перед собой неминуемую гибель. Акиан, правитель города, наблюдавший из башен, возвышающихся над его дворцом, и с высоты укреплений, видя гибельное положение мусульман, немедленно послал к ним подкрепление и, затворив за своими воинами ворота, ведущие к мосту, объявил им, что они должны или победить, или умереть. Тогда началось избиение мусульман, рассказанное в летописях очевидцев с ужасающими подробностями. Это избиение происходило на холме против самого моста, который теперь, как и тогда, служит кладбищем для турок. Волны Оронта вокруг моста были как бы задержаны в своем течении загроможденными их трупами.

После этого побоища крестоносцы выстроили на этом холме укрепление, которое было поручено храброму графу Тулузскому; оно препятствовало мусульманам выходить из города воротами моста и открыло для крестоносцев безопасное сообщение с правым берегом Оронта.

Оставались у осажденных еще одни городские ворота, через которые они могли получать продовольствие и пользоваться свободным движением по левому берегу Оронта; сюда не проходил еще ни один крестоносец. Они были с западной стороны и назывались воротами св. Георгия. Вожди рассудили, что необходимо устроить возможность производить нападения отсюда, и пришли к тому заключению, что следовало захватить позицию вокруг этих западных ворот; но это было сопряжено с большой опасностью, и некоторые из предводителей войска отказывались брать на себя такое дело. Тут выступил Танкред; но у знаменитого рыцаря не доставало денежных средств, чтобы осуществить это предприятие; тогда граф Тулузский дал ему 100 марок, и остальные вожди помогли, каждый по возможности. На холмике вблизи ворот св. Георгия возвышался монастырь того же имени; Танкред приказал его укрепить и, поддерживаемый избранным отрядом воинов, сумел продержаться на этом важном посту.

Таким образом, в руках у христиан оказалась вся внешняя сторона крепости; надежда и рвение воодушевляли крестоносное воинство; дисциплина была восстановлена и придала силы войску. Даже нищие и бродяги, толпа которых увеличивала беспорядок и затрудняла военные действия, были теперь заняты осадными работами и числились на службе, под начальством так называемого «командира» или «царя сволочи» (*roi traund* или *roi des gueux*).

Все антиохийские ворота были заперты, битвы были приостановлены; между тем, с обеих сторон продолжалась война, выражавшаяся в варварских действиях. Ярость турок обрушилась в особенности на пленников. История сохранила имя одного пленного христианского рыцаря, Раймунда Порше, который был выведен на городские укрепления и которому угрожали смертью, если он не убедит крестоносцев выкупить его деньгами. Обращаясь к осаждающим, Раймунд Порше умоляет их смотреть на него как на человека умершего, не жертвовать ничем ради его спасения и продолжать осаду города, который не мог уже долго выдерживать ее. Пра-

витель Антиохии, узнав, что он говорит, требует, чтобы рыцарь немедленно принял ислам; он объявляет, что осыплет его дарами и почестями, если он на это согласится, в противном же случае велит отрубить ему голову. Вместо всякого ответа благочестивый рыцарь, скрестив руки и обратив глаза к востоку, преклоняет колена – и голова его скатывается со стен.... Прочие христианские пленники в тот же день были сожжены на костре.

Однако же и осаждающим пришлось страдать от голода. Акиан предложил перемирие, на которое последовало неблагоприятное согласие. Во время этого перемирия между вождями произошли распри по поводу богатых подарков, присланных вождям и воинству Балдуином, графом Эдесским. Крестоносцы свободно проходили внутрь крепости, а сарацины бывали в лагере латинян. Вскоре убийство одного рыцаря, по имени Валлон, подало повод к нарушению перемирия, и осада возобновилась.

Однако же не посредством терпения и храбрости была покорена Антиохия; после семи-месячных тяжелых трудов только посредством хитрости и побуждаемые честолюбием крестоносцы достигли успеха своего дела. Боэмунд, увлеченный на Восток не ради духовных, но ради светских целей, смотрел не без зависти на то, что счастье благоприятствовало Балдуину; он замыслил овладеть Антиохией и случайно встретил человека, который мог помочь ему прибрать в свои руки эту крепость. Это был один армянин по имени Пирруз, сын фабриканта кирас; человек подвижного и тревожного нрава, он перешел из христианства в ислам, чтобы поправить свои дела. Он приобрел доверие Акиана, который принял его даже в свой совет. Пирруз заведовал тремя городскими башнями, которые поначалу усердно защищал; но бесплодная служба ему надоела, а он был не такой человек, чтобы отступить перед изменой, если она могла доставить ему выгоды.

Пирруз и Боэмунд поняли друг друга с первого взгляда. Князь Тарентский пообещал отступнику от веры много заманчивого. Чтобы убедить Боэмунда в своей преданности и оправдать свою измену, Пирруз рассказал, что ему явился во сне Иисус Христос и посоветовал предать Антиохию в руки христиан. Когда Боэмунд условился с Пиррузом, каким образом исполнить задуманное ими предприятие, он предложил собраться главным предводителям христианской армии; он представил им все бедствия, которые они уже вынесли, и те, которые угрожали им в будущем, и заключил словами, что совершенно необходимо войти в Антиохию, что не следует быть разборчивыми в средствах для одержания этой победы. Многие вожди поняли тайное побуждение, которым руководствовался Боэмунд, и возразили ему, что несправедливо было бы допустить, чтобы один человек воспользовался общими трудами; восстали и против того, чтобы овладеть крепостью посредством какой-нибудь уловки или коварства, изобретением которых свойственно пренебрегать женщинам.

Боэмунд, которого история прозвала Улиссом латинян, не отказывается, однако же, от своего замысла; он начинает распространять самые тревожные слухи. Христиане узнают, что Кербоба, властитель Мосульский, приближается к Антиохии с 200 тысячами войска, поднявшегося с берегов Тигра и Евфрата. Вожди снова собираются на совет; Боэмунд предупреждает о великих опасностях, угрожающих крестоносцам. «Время не терпит, – говорит он, – торопитесь действовать: завтра, может быть, будет поздно». Он объявляет вождям, что знамя крестового похода может уже через несколько часов развеяться на стенах Антиохии, и показывает письма Пирруза, который обещает предать им три башни, которыми он заведует, но только с условием не иметь дела ни с кем, кроме Боэмунда, и чтобы ценой этой услуги было предоставление города во власть Боэмунда; между тем, опасность с каждым днем увеличивается; бежать – позорно, предпринимать битву – безрассудно. Эти слухи встревожили всех и заставили умолкнуть все личные интересы соперников. Все вожди, исключая непоколебимого Раймунда, согласились предоставить Боэмунду главенство в деле покорения Антиохии; князь Тарентский назначил осуществление этого предприятия на следующий день.

Чтобы усыпить вполне бдительность осаждаемых, крестоносцы за несколько часов до наступления ночи вышли из лагеря как будто бы с целью направиться навстречу эмиру Мосульскому по той дороге, откуда его ожидали. Ночью же они тихо подкрались к стенам Антиохии с западной стороны и стали близ башни Трех сестер, которой заведовал Пирруз. Пользуясь темнотой ночи, когда гарнизон антиохийский был погружен в глубокий сон, один ломбардец по имени Пайен, подсланный Боэмундом, взбирается по кожаной лестнице на башню Трех сестер; Пирруз извещает его, что все готово и что ради обеспечения успеха дела он только что убил одного из своих братьев, которому он не доверял. По той же лестнице взбирается и сам Боэмунд, за ним следуют еще несколько воинов. Скоро целые батальоны наводнили антиохийские улицы. Более 10 000 городских жителей погибли в эту ночь. Акцииан ускользнул через маленькие ворота на северо-восточной стороне города, но был узнан армянскими дровосеками, которые отрубили ему голову и доставили ее новым властителям Антиохии. Едва только рассвело, зная Боэмунда уже развевавшегося на одной из самых высоких башен города.

Эта измена не доставила Пиррузу ни славы, ни счастья: сделавшись снова христианином, он последовал за крестоносцами в Иерусалим и умер через два года, перейдя опять в мусульманство и презираемый со стороны и христиан, и мусульман, которым он поочередно служил и изменял.

Таким образом взята была Антиохия в начале июня 1098 г. Осада длилась около восьми месяцев. Победу отпраздновали пиршествами и танцами; но еще тяжелые дни предстояли победителям сирийской столицы. Осажденные, в свою очередь, армией Кербогги, они подверглись всем ужасам голода. Разнесся слух, что император Алексей выступил в Малую Азию и дошел до Филомелия, чтобы оказать помощь крестоносцам в Антиохии, но, обманутый рассказами об отчаянном положении пилигримов, возвратился в Константинополь.

Антиохия была взята, но цитадель города, стоявшая на третьем холме на востоке, осталась во власти турок. Через малые северо-восточные ворота, оставшиеся свободными, гарнизон цитадели получал ежедневно подкрепление из армии Кербогги и успевал делать опустошительные вылазки на самых улицах Антиохии. Но этот вызывающий образ действий был напрасен! Голод довел христиан до рокового, мертвенного равнодушия, и спасение их должно было произойти из самой крайности их бедствий. Однажды один бедный священник из Марселя по имени Бартелеми явился в совет вождей и рассказал, что три ночи сряду он видел во сне св. апостола Андрея и что апостол повелел ему пойти в церковь св. Петра в Антиохии, раскопать землю вокруг главного алтаря, чтобы найти железо того копья, которым было прободено бедро Искупителя, и сказал, что это священное железо следует нести впереди армии на пути ее и что оно дарует победу христианскому оружию. Копье действительно было найдено в указанном месте; вид священного железа воодушевил всех верой, надеждой, радостью и силой. Эти толпы людей, казавшихся призраками, помертвевшими от голода, превратились внезапно в непобедимый народ. Решено было вступить в бой с Кербоггой, шатры которого покрывали берега Оронта и возвышенности к востоку от Антиохии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.